

Малыгина Нина

Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова

In the biography of Andrei Platonov, the history of his relationship with Boris Pil'niak occupies a special place, since it deals with the main events of Platonov's literary fate.

By the end of the twentieth century, many events of the literary life in the 1920–1930s were hidden from the researchers. Previously classified documents and archival materials have become available to researchers only in recent times, including the letters by Platonov and Pil'niak. They clarify the main events of Platonov's biography and his relationship to Pil'niak.

We thus know the 'prehistory' of the relationship between the two writers: Platonov was a follower of Pil'niak's literary current long before meeting him. The present article shows how the new materials allow us to have a new understanding of the relationship between the two writers.

Отношения Платонова с писателями–современниками складывались особым образом. Одна из главных тайн судьбы Платонова состояла в том, что современники как будто не заметили его присутствия в литературной жизни. Открывается поразительная ситуация: самыми внимательными биографами Платонова оказались осведомители секретно-политического отдела ОГПУ. Именно они зафиксировали высказывания писателей о гениальности Платонова. В донесении от 6 мая 1931 г. отражено мнение К. Зелинского о Платонове: “[...] ПЛАТОНОВ производит на него впечатление совершенно гениального человека... суждения его всегда

тонки и интересны” (Гончаров, Нехотин 2000: 850). В донесении от 11 июля 1931 г. приведено суждение поэта Павла Васильева: “[...] он [...] сказал, что Платонов это предсказатель, что он гениален [...]” (Гончаров, Нехотин 2000: 850). В справке, составленной в 1933 г., сотрудник ОГПУ Н. Х. Шиваров указал на своеобразие отношений Платонова с писателями: “Среду профессиональных литераторов избегает. Непрочные и не очень дружеские отношения поддерживает с небольшим кругом писателей. Тем не менее, среди писателей популярен и очень высоко оценивается как мастер. Леонид Леонов и Б. Пильняк охотно ставят его

наравне с собой, а Вс. Иванов даже объявляет его лучшим современным мастером прозы” (Шенталинский 1995: 283). В доносе на Платонова в 1939 г. В. Ермилов писал, что среди писателей: “[...] имеется нечто вроде культа Платонова. Благоговеют перед ним [...]” (Корниенко, Шубина 1994: 228). А. Явич заметил: “[...] Малышкин сказал про Платонова: это писатель со всеми признаками гениальности” (Корниенко, Шубина 1994: 27). Л. Гумилевский свидетельствовал, что Виктор Шкловский на собрании писателей, обращаясь к Л. Авербаху, утверждал: “Вы хотите переделать Платонова? Вы его не переделаете, его нельзя переделать, потому что Платонов – гениальный писатель!” (Корниенко, Шубина 1994: 52). Эту трагическую черту творческой судьбы Платонова заметил его младший друг, поэт В. Боков. Он считал, что замалчивание писателя связано с тем, что многие литераторы, редакторы и издатели просто не понимают его произведений:

Я знаю людей, которые не признают вас, и знаю людей, которые говорят ‘изумительнейший писатель’. Но мне приходи-

лось убеждаться, что вторые так же мало понимают вас, как и первые, они это говорят из маленького оппозиционного зуда, который щекочет их и которым они в меру щеголяют, чтобы показаться умными. Эти люди чуть похитрее простаков, вообще ничего не понимающих, но несколько не умнее и не одареннее их (Боков : 3–4).

В то же время поражает отсутствие упоминаний о Платонове у тех, кто хорошо его знал и с ним общался: в большой переписке Пильняка имя Платонова не названо ни разу; в переписке Пастернака – только один раз. Исключение составляет Горький – в его письмах имя Платонова встречается более двадцати раз. Однако, среди современников Платонова все же нашлись и те, кто помог ему войти в ‘большую’ литературу: А. К. Воронский, А. М. Горький и Б. А. Пильняк. С этими выдающимися организаторами литературного процесса 1920–1930-х гг. связаны главные события его писательской судьбы. Роль Б. Пильняка в творческой биографии Платонова трудно оценить однозначно, и сам Платонов к нему относил-

ся двойственно, что определялось противоречивостью Б. Пильняка: “Вряд ли другой советский писатель вызывал одновременно столь противоречивые оценки, как Пильняк”, – писал В. Полонский (Полонский: 126). Полонский указал на многообразие литературных источников прозы Пильняка: “Л. Троцкий заметил как-то, что он пишет черным по Белому – это было справедливо и зло. Но не только по Белому пишет Пильняк – он пишет также по Замятину, по Ремизову, даже по В. В. Розанову... – я не говорю уже о попытке перемигнуться с Ф. М. Достоевским – литературная энциклопедия, а не писатель!” (Полонский: 140). Именно ‘энциклопедичность’ как особое качество поэтики является общей чертой творчества Платонова и Пильняка: исследователи художественного мира Платонова продолжают находить в его произведениях реминисценции из прозы и поэзии Пушкина, Гоголя, Достоевского, Маяковского, Есенина и т. д. Однако до сих пор прояснение характера отношений с Пильняком остается одной из задач исследования творческой биографии Платонова.

Предыстория знакомства с Пильняком: рецензия Платонова на журнал «На посту» (1923, I, II, III)

В творческом сознании Платонова Пильняк появился задолго до личной встречи с ним. Первое упоминание о Пильняке встречается в рецензии Платонова на первые номера журнала «На посту», начавшего выходить в 1923 г. Платонов выделил в журнале статью Б. Волина¹ *Большевики-заезжатели* и согласился с его мнением, что Пильняк и артель писателей Круг являются главными врагами пролетариата (Платонов 2004: 265): “[...] напостицы рассуждают трезво – нельзя поддерживать Пильняков [...]” (Платонов 2004: 265). Но Платонов не знал, что заставило Политбюро РКП(б) поддержать Пильняка и создать издательство и Артель писателей Круг. До конца XX в. были засекречены документы, проясняющие роль

¹ Волин (Фрадкин) Борис Михайлович (1886–1957) – партийный деятель. Член редколлегии «Правды» с 1918 г. В 1918–1921 гг. – заместитель наркома внутренних дел Украины; участвовал в карательных операциях. Редактор журнала «На посту» (1923–1925). В 1931 г. сменил П. И. Лебедева-Полянского в должности начальника Главлита, до 1935 г. руководил политической цензурой в СССР.

Пильняка в организации Круга, т. к. его кандидатуру выдвинул Л. Д. Троцкий. 30 июня 1922 г. он подал в Политбюро ЦК РКП(б) записку *О молодых писателях, художниках и пр<очих>*, где предлагал: “[...] выделить небольшой список несомненно даровитых и несомненно сочувствующих нам писателей, которые борьбой за заработок толкаются в сторону буржуазии и могут завтра оказаться во враждебном или полувраждебном нам лагере, подобно Пильняку (как мне сообщил т. Ионов)² [...]” (Артизов, Наумов 1999: 36).

Троцкому доложили, что Пильняк во время поездки в Берлин имел успех в эмигрантской среде. Пильняк в очерке *Заграница*, признался в желании взять на себя “[...] миссию объединения русских писателей [...]” (Ауэр 1997: 12). Он одним из первых осмелился написать о том, что в эмиграции оказалось множество честных и достойных людей. В поведении Пильняка партийное руководство увидело идео-

² Ионов (Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942; умер в лагере) — бывший политкаторжанин, пролетарский поэт, издательский работник. С 1918 г. заведовал Петроградским отделением Госиздата, в конце 1924 г. временно исполнял обязанности заведующего Госиздата РСФСР, родственник Г. Е. Зиновьева.

логическую и экономическую угрозу: перед молодыми писателями оставалась открытой возможность выгодного сотрудничества с зарубежными издательствами. Об этом писал Сталину заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) Я. А. Яковлев: “В настоящий момент борьба между нами и контрреволюцией за завоевание значительной части этих литературных сил. (Вся эмигрантская печать стремится «купить» нашу литературную молодежь» [...])” (курсив мой. – Н. М.) (Артизов, Наумов 1999: 39).

С осени 1921 г. Пильняк стал автором журнала «Красная новь», Воронский привлек его к сотрудничеству по совету Горького. Вскоре Пильняк стал ведущим прозаиком современности и получил возможность “[...] вмешиваться в литературную политику тех лет” (Примочкина 1996: 196). Воронский признавал Пильняка самым талантливым бытописателем революции, крупнейшим писателем своего поколения. Доворя рекомендации Воронского, Троцкий поручил Пильняку объединение молодых писателей. В состав Круга вошли писатели: Н. Аросев, Н. Асеев, А. Воронский, Вс. Иванов, В. Казин, Бор. Пильняк,

К. Федин, Н. Никитин. У Пильняка появилась надежда на перемены в литературной жизни, о чем он сообщал в письме А. М. Ремизову 10 августа 1922 г. Он гордился вниманием вождей партии: в связи с организацией артели его в Москве “[...] разыскивали Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, В. В. Осинский [...] – мне предложили организовать издательство [...] Мне предложили организовать артель... исключительно из молодых” (Пильняк 2010: 484–485). Пильняку ‘объяснили’, что создается литература, независимая от партийной политики: “Издательство освобождается от цензуры. Мы – полноправные хозяева. Деньги дает правительство” (Пильняк 2010: 484–485). Пильняк увидел, что создание писательской артели даст ему возможность ‘ошколиться’, т. е. создать свою литературную школу. Именно так и случилось. Ю. Тынянов в статье *Литературное сегодня*, опубликованной в журнале «Русский современник» (1924, I) писал о появлении ‘школы Пильняка’: “А между тем у Пильняка уже школа [...] И любопытно, что уже выработалась какая-то общая пильняковская фраза, которая мелькает то тут, то там, то у Малышкина, то у Бу-

данцева, то у других” (Тынянов 1977: 163–164).

Осенью 1923 г. Платонов встречался с Воронским, мечтавая попасть в тот писательский круг, в центре которого был Пильняк. Но в результате встречи в журнале «Прожектор» и альманахе *Наши дни* появились два его стихотворения – *Динамо-машина* и *Сердце в эти дни смертельно и тревожно* (Платонов 1923, 1924)³. В 1923 г. в Москве Платонов мог застать выход в свет второго издания романа Пильняка *Голый год* в издательстве Круг. К 1922 г. относится косвенное подтверждение того, что роман Пильняка *Голый год* попал в поле зрения Платонова: в газете «Воронежская коммуна» (1922, ССXXXIV) появилась статья В. Келлера о Пильняке *Революция в анекдотах*⁴. Убедительным подтверждением того, что Платонов к тому времени уже был знаком с творчеством Пильняка, является опубликованный летом 1923 г. *Рассказ о многих инте-*

³ Факт публикации установлен Т. Лангераком (см. Лангерак 1995).

⁴ Л. Шубин, *Заметки при просмотре комплектов*, Из материалов архива Л. А. Шубина, подаренного мне Е. Д. Шубиной. Речь идет о комплектах газеты «Воронежская коммуна» за 1920–1923 гг.

ресных вещах⁵. Эта первая большая повесть Платонова (написанная в соавторстве с М. Бахметьевым), создавалась под влиянием поэтики 'монтажа', произведение включало фрагменты его ранее написанных вещей.

Противоречивость ситуации 1923 г. состояла в том, что Платонов отвергал идеологию Пильняка, но в художественной прозе уже был его последователем. Сближало Платонова с Пильняком и то, что одним из центральных героев его прозы был волк. В рассказе *Волчок* в имени собаки подчеркнута ее волчье происхождение. Главный герой Иван Копчиков *Рассказа о многих интересных вещах* был сыном деревенской женщины и сказочного персонажа – полуволка, получеловека Акима. Иван приручил стаю волков, из которых один стал его другом и помог подчинить своей воле шайку бродяг, из которых ге-

рой намеревался организовать "большевицкую нацию". Платонов и дальше продолжал использовать любимый прием Пильняка: ключевые фрагменты, герои, мотивы и образы-символы *Рассказа о многих интересных вещах* впоследствии стали материалом для повести *Эфирный тракт* и романа *Чевенгур* (Малыгина 2005).

Платонов, Воронский и Пильняк

Летом 1926 г. Платонов вновь напомнил о себе Воронскому в один из тяжелейших периодов своей жизни: он переехал из Воронежа в Москву, но вскоре лишился работы, остался без постоянного жилья, без средств к существованию, семья голодала. Он решил искать спасения в писательстве. Воронский не ответил на его просьбу по вине Пильняка. Он оказался в опасной ситуации из-за публикации *Повести непогашенной луны*. Об этом Ф. М. Гладков писал Горькому 5 мая 1926 г.: "[...] Вы, вероятно, уже слышали о последнем нашем литературном событии. Это – конфискация 5-й кн<иги> «Нового мира» в рассказом Пильняка [...] В связи с этим положение Воронского

⁵ *Рассказ о многих интересных вещах* был обнаружен Н. М. Малыгиной в 1976 г. и включен в библиографию произведений Платонова. Было установлено, что соавтором Платонова был журналист Михаил Бахметьев, печатавшийся под псевдонимом М. Б. Атрибуция глав *Рассказа*, принадлежащих перу А. П. Платонова, см. в статьях: Н. М. Малыгина 1977; Малыгина 1994; Платонов 2009; Н. Малыгина, 2009.

было одно время безнадежно [...]” (Горький 1963: 78–79).

Д. Фельдман и А. Щербина установили, что рискованное выступление Пильняка с повестью, содержащей узнаваемую карикатуру на Сталина и фактически обвинявшей его в убийстве командарма, было обусловлено противоборством между Троцким и Сталиным. Троцкий использовал Пильняка в борьбе против Сталина. Но в октябре 1926 г. самого Троцкого вывели из состава ЦК ВКП(б) и лишили власти (см.: Фельдман, Щербина 2007). Сам того не зная, летом 1926 г. Пильняк стал причиной того, что Воронский не поддержал Платонова в губительной ситуации. В ноябре 1926 г. Платонов добился назначения на работу в Губернское земельное управление в Тамбов. Он вернулся в Москву в марте 1927 г. и по-прежнему рассчитывал на помощь Воронского. Между тем, в московской литературной среде уже обсуждались слухи об отстранении Воронского от работы в «Красной нови». Именно в это время, летом 1927 г., Платонов передал Воронскому рукопись повести *Сокровенный человек*, надеясь на ее публикацию в журнале. 18 июня 1927 г. Андрей Платонов писал Воронскому: “Убедительная просьба прочитать ру-

копись повести *Сокровенный человек*. Может быть, она подойдет для напечатания в «Красной нови»” (Платонов. Письма: 223). Воронский 11 августа 1927 г. сообщил Горькому, что у него находится рукопись повести Платонова *Сокровенный человек*: “Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще и неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухове – эдакий русский Уленшпигель [...]” (Архив Горького, 10: 57). Вероятно, судьба Платонова могла сложиться иначе, если бы Воронский остался редактором журнала. Во всяком случае, так думал Горький, выразив сожаление, что Воронский “не у дел”, когда решалась судьба издания *Чевенгура*. Горький был уверен, что именно Воронский мог бы по достоинству оценить роман.

Платонов, Горький и Пильняк

Летом 1927 г. Горький получил книгу *Епифанские шлюзы* (Молодая гвардия, Москва, 1927). После этого Горький в пятидесяти письмах 1927–1928 гг. он сообщил своим корреспондентам о Платонове, а С. А. Обрадовичу (1 августа 1927 г.) он советовал включить Платонова в число сотрудни-

ков издания альманаха *Земля и фабрика* (Горький 2014: 5).

20 января 1928 г., зная, что редактором «Красной нови» назначен Вс. Иванов, Горький фактически рекомендует ему Платонова как автора журнала (Горький 2014: 166).

Казалось, перед Платоновым открывалась возможность вступить в литературу в качестве ученика Горького.

*Личное знакомство
с Пильняком в 1928 г.*

Однако накануне приезда Горького Платонов познакомился с Пильняком. 8 мая 1928 г. Пильняк надписал ему книгу *Очередные повести* (1927): “Андрею Платонову — Борис Пильняк — сердечнейше, с твердой верой в будущее [...]” (Корниенко 1993: 315). Впоследствии Платонова будут считать ‘выдвиженцем’ Пильняка, хотя у него в 1928 г. вышла вторая книга *Сокровенный человек*, его рассказы и повести печатались в московских журналах «Молодая гвардия», «Новый мир», «Красная новь». В обзоре ‘толстых’ журналов за 1928 год А. Лежнев отметил: “*Происхождение мастера* А. Платонова говорит о росте этого молодого писателя” (Лежнев 1928: 7). В письме Платонова Замошкину 18 июля

1928 г. была фраза о Пильняке: “Если случайно увидите Бориса Андреевича Пильняка, то скажите, что я его помню и соскучился по нем...” (Корниенко, Шубина 1994: 224).

“Невстреча”⁶ с Горьким

Благоприятным для Платонова совпадением могло оказаться то, что в 1927 г. стало известно о приезде Горького в СССР. В писательской среде знали, что создан юбилейный комитет для празднования шестидесятилетия Горького. 28 мая 1928 г. Горький возвратился из-за границы. Писательская общественность надеялась, что он поможет улучшить атмосферу литературной жизни. Встречи писателей с Горьким стали главными событиями в литературной Москве. 9 июня 1928 г. в редакции «Красной нови» состоялась одна из таких встреч, куда был приглашен и Платонов, но он туда не пошел. Об этой встрече написали Б. Л. Пастернак и С. Ф. Буданцев. Пастернак выступил на этом собрании, рассчитывая на диалог с Горьким, но тот, выслушав поэта и не сказав ни слова, ушел. Буданцев отметил тот же эпизод: “[...] принимал участие в за-

⁶ Термин М. И. Цветаевой.

крытом, значительно более интимном заседании «Красной нови», тут разговоры могли пойти значительнее, существеннее, да патриарху понадобилось ехать куда-то, прервали на полуслове, уехал. Какое-то чувство взаимного непонимания между Горьким и писателями есть [...]» (Буданцев 1928). Об этой встрече написал и В. Катаев. Его заметка *М. Горький в «Красной нови»* (машинопись с правкой) хранится в архиве Горького (см.: Катаев 1928). Материал был опубликован с купюрами в издании *Читатель и писатель* (1928, XXIV, 16 июня, с. 4). Катаев привел содержание выступления

Ф. Ф. Раскольников, который приветствовал Горького от редакции, отметив, что журнал не связан с какой-либо одной литературной группой: «За последнее время целый ряд молодых писателей впервые были напечатаны в «Красной нови» и некоторые из них получили уже признание критики (*Юрий Олеша, А. Платонов*)» (Катаев 1928, л. 1). Указанные в машинописи в скобках фамилии писателей вычеркнуты карандашом и в опубликованный текст не вошли. Это упоминание свидетельствует о том, что присутствие Платонова на встрече планировалось редак-

цией журнала. На встрече выступили Федин, Никитин, Иванов, А. Толстой, Г. Никифоров, Пастернак, Тальников, Буданцев. Горький в своем выступлении подчеркнул: «[...] я говорю, как литератор [...]» (Катаев 1928: л. 2). Он коснулся проблемы мещанства, говорил, что появился «мещанин», в обществе образовался «новый слой» (Катаев 1928: л. 3). В машинописи был вычеркнут карандашом последний абзац заметки: «Провожаемый всем собранием Алексей Максимович уехал. А разговоры о воинствующем мещанине, о новом человеке, новом и старом писателе еще долго продолжались» (Катаев 1928: л. 3). Летом 1928 г. писатели заметили, что позиция Горького изменилась в результате контактов со Сталиным, Ягодой и Авербахом. Ситуацию отчасти проясняют заметки в записной книжке партийного деятеля А. С. Щербакова о встрече с Горьким в Нижнем Новгороде, где тоже планировалось отметить юбилей писателя (см.: Щербаков). Поначалу у Щербакова были сомнения: «[...] поскольку политическая физиономия Горького к этому времени с полной ясностью еще не определилась [...] мы еще не знали, приедет ли в СССР в лице Горького просто

сочувствующий друг или придет подлинный энтузиаст и непосредственный участник нашего дела” (Щербаков). Вскоре он убедился: “[...] приехал до конца свой человек” (Щербаков).

Платонов в письме жене объяснил, почему не пошел на встречу с Горьким: “[...] неохота афишировать себя, – особенно теперь, когда Малашкин и другие распускают про меня слухи (в «Красной нови» и др. местах) [...] Мне сначала было очень тяжело. Оказывается, зло это большая сила [...]” (выделено автором. – Н. М.) (Архив Платонова: 494). Отсутствие Платонова, вероятно, вызвало обсуждение, о чем можно догадаться по тому, что Буданцев сообщал о нем в том же письме Ряховскому, где шла речь о встрече с Горьким:

Обратите внимание на молодого писателя Андрея Платонова, начинает очень интересными и существенными вещами. В особенности хорош отрывок из очевидно большой вещи *Рождение мастера*, напечатанной в апрельской книжке *Красной нови*, и сборник рассказов *Епифанские шлюзы* [...] (Буданцев 1928).

Платонов в том же письме писал жене: “Если я сейчас двинусь к Горькому (что он меня сам пригласил, то никто не помнит), то на меня насплетничают черт знает чего. А я Горького не особенно люблю, – он печатает плохие статьи” (Архив Платонова: 494). Очевидно, Платонов не пошел на встречу с патриархом, т. к. знал, что собратья по перу распространяют сплетни друг о друге. Платонов скорее всего понимал, что до Горького дойдут слухи о его контактах с Пильняком. В писательской среде было известно, что Горький относился к Пильняку отрицательно (см. : Примочкина 1996: 194–209). Горький помог Пильняку издать роман *Голый год*, Пильняк гостил в его доме. Но все испортил “инцидент личного характера”, который оттолкнул Горького от Пильняка. Момент, когда это случилось, можно установить по письму М. И. Будберг 9 июня 1921 г. Горькому, где улавливаются отголоски произошедшего: “С интересом прочла о Пильняке. Да, надеюсь, что дидактики в этом с Вашей стороны не было... Хотя, Вам, вероятно, было неприятно, да?” (Архив Горького, 16: 41–42). Сведения об этом эпизоде есть в статье В. Ф. Ходасевича, но он

сообщал, что обязался хранить случившееся в тайне («Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, XXXI, с. 192).

*Платонов как последователь
Пильняка в прижизненной
критике*

В конце 1928 г. Платонов опубликовал свой очерк *Че-Че-О* в соавторстве с Пильняком (Платонов, Пильняк). Пильняк нередко выступал в качестве соавтора молодых авторов. Воронский ценил редкую черту Пильняка – отсутствие зависти и заботу о начинающих. Однако у этого покровительства была отрицательная сторона: известность Платонова связывали со скандальной славой знаменитого соавтора. 28 сентября 1929 г. в газете «Вечерняя Москва» была напечатана статья журналистки В. Стрельниковой, которая назвала Платонова «подпильничком». Однако, оказывается, журналистка только зафиксировала репутацию Платонова как последователя советско-славянофильской школы Пильняка.

Е. Д. Толстая-Сегал выявила переклички в произведениях Платонова и Пильняка, обнаружив, что 'ученичество' Платонова у Пильняка прослеживается в конце, а позднее уже

произведения Платонова оказали влияние на прозу Пильняка (см. Толстая-Сегал 1994). Однако исследовательница не обращалась к прижизненной критике писателей, где влияние Пильняка на Платонова не только признавалось, но и преувеличивалось. В прозе Платонова прижизненная критика подчеркивала черты, которые указывали на его сходство с Пильняком. Произведения Платонова оценивались по критериям, которые сформулировал Троцкий в статье о Пильняке и писателях-попутчиках. На роман *Чевенгур* были спроецированы идеологические принципы, разработанные Троцким, когда имя вождя революции уже было под запретом. В суждениях критиков о первой части *Чевенгура* (*Происхождение мастера*) воспроизводилась мысль Троцкого о попутчиках: «Они не охватывают революции в целом, и им чужда ее коммунистическая цель» (Троцкий 1991: 56). В адрес прозы Платонова нередко повторялись претензии, которые высказывались автору *Голого года*.

В рецензии Р. Мессер в романе обнаружено отсутствие обобщающей авторской мысли: «Дело в восприятии явлений революционной действитель-

ности как случайных, хаотических, единичных” (цит. по: Яблоков 1991: 527). Д. Тальников увидел, что в романе “полная неосмысленность, хаотичность, стихийность этой первобытной психики мужика вы является резко, выпукло...” (Тальников 1929: 248). Критик видит в романе Платонова ту же хаотичность изложения, какую Вяч. Полонский отмечал в творчестве Пильняка: подчинение принципу “хаотичности изображаемого”, и объяснял “хаотическое состояние” идеологии Пильняка неустойчивостью его социальных воззрений, характерную для “мелкобуржуазных интеллигентов”, не способных органически влиться в “революционную современность” (Полонский 1988: 126).

Интересно заметить, что именно Троцкий впервые употребил по адресу писателей-попутчиков обвинение в юродстве: “Большинство попутчиков принадлежит к мужиковствующим интеллигентам. Интеллигентское же приятие революции, с опорой на мужика, без юродства не живет. Оттого попутчики не революционеры, а юродствующие в революции” (Троцкий 1991: 79). Упрек в юродстве с конца 1920-х гг. будет назойливо повторяться в критических статьях о Плато-

нове. Называли юродивыми героев *Чевенгура* и *Ямской слободы*: “Их сближает между собой одинаковое люмпен-юродствующее положение в жизни” (Майзель 1930: 196).

Травля Платонова в 1929 г.

Литературная ситуация весны 1929 г. определялась усилением нападков рапповских идеологов на писателей – ‘попутчиков’. Руководство РАПП вдохновлялось сталинской теорией обострения классово-борьбы. Писателям казалось, что РАПП теперь как никогда близок к завоеванию власти над литературой. В феврале 1929 г. Сталин в письме к “писателям-коммунистам из РАППа” отрицал право Пильняка на бережное отношение:

Вы говорите о ‘бережном отношении к попутчикам’, о ‘коммунистическом перевоспитании их в товарищеской обстановке’[...] Возьмите, например, такого попутчика, как Пильняк. Известно, что этот попутчик умеет созерцать и изображать лишь заднюю нашей революции. Не странно ли, что для таких попутчиков у вас нашлись слова о ‘береж-

ном' отношении [...] (Артизов, Наумов 1999: 10–11).

Сталин, употребляя безграмотную фразу про 'заднюю' революции, присвоил суждение Троцкого: "В сюжетном смысле Пильняк провинциален. Он берет революцию в *ее периферии*, в *ее задворках*, в деревне и особенно в уездном городе" (Троцкий 1991: 72).

Сигналом к началу травли Пильняка и Замятина стала статья в «Литературной газете» 28 августа 1929 г. Б. Волина *Недопустимые явления*. Поводом для нее была публикация повести Пильняка *Красное дерево* в берлинском издательстве Петрополис и отрывков из романа Замятина *Мы* в пражском журнале «Воля России».

9 сентября в «Литературной газете» печаталось постановление Правления Всероссийского союза писателей под заголовком *Не только ошибка, но и преступление*: "...по поступок Пильняка носил характер преднамеренного вредительства... Участие советского писателя... в эмигрантской печати и издательствах абсолютно недопустимо".

В ответ Пильняк написал *Письмо в редакцию «Литературной газеты»*, он признавал правоту организаторов его

травли и отказывался от берлинского издания. 15 сентября 1929 г. в «Известиях» была напечатана статья Горького *О трате энергии* в защиту Пильняка. В августе 1929 г. Платонов обратился к Горькому с просьбой прочесть рукопись *Чевенгура*: "[...] говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут даже как контрреволюционное [...] В романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества" (Письма Горькому: 176). Горький ответил Платонову, что цензура не пропустит роман в печать из-за "анархического умонастроения" автора.

С кампанией травли Пильняка связан политический скандал в ноябре 1929 г., вызванный публикацией рассказа Платонова *Усомнившийся Макар* («Октябрь», 1929, IX). Руководитель РАПП Л. Авербах нашел в произведении "идеологическое отражение сопротивляющейся мелкобуржуазной стихии", "нигилистическую распущенность и анархоиндивидуалистическую фрону" (Авербах 1929: 17). Его упреки совпадали со словами Горького об авторе *Чевенгура*. В подтексте упреков в анархизме просвечивало сравнение с Пильняком. Для Платонова

стало тяжелым ударом известие о том, что уже подготовленный к печати в 1930 г. в издательстве Молодая гвардия роман *Чевегур* не выйдет в свет (Корниенко 1989: 246).

К. Чуковский зафиксировал в дневниковой записи от 27 ноября 1931 г., что Пильняк назвал Платонова одним из лучших писателей в СССР: “Вчера за мной заехал к Кольцову Пильняк [...] В доме у него два писателя – Платонов и его друг, про которых он говорит, что они лучшие писателя в СССР, ‘очень достойные люди’” (Чуковский 2011: 435). Чуковский горько заметил: “Все мы трое – писатели, ущемленные эпохой” (Чуковский 2011: 435).

В тот вечер Чуковский записал рассказ Платонова о *Чевенгуре*: “Платонов рассказал, что у него есть роман *Чевенгур* – о том, как образовалась где-то коммуна из 14 подлинных коммунистов, которые всех некоммунистов, неревOLUTIONIONЕРОВ изгнали из города – и как эта коммуна процвела, – и хотя он писал этот роман с большим пиететом к революции, роман этот (в 25 листов) запрещен. Его даже набрали в издательстве Молодая гвардия – и вот он лежит без движения. 25 печатных листов!” (Чуковский 2011: 435–436). Это свидетельство доказывает, что Пильняк

поддерживал Платонова после политического скандала из-за публикации хроники *Впрок*.

На вечере 1 февраля 1932 года

С осени 1929 г. начался новый этап в жизни Всероссийского союза советских писателей. Теперь вечера и собрания, посвященные разбору персональных дел попутчиков, стали формой работы ВССП. Такой вечер Платонова состоялся 1 февраля 1932 г. Платонова обвиняли в том, что он, вступив в контакт с Пильняком, испортил свою репутацию пролетарского писателя. От Платонова требовали отречения от Пильняка. Он от своего покровителя не отрекался, но и влияния его не признавал. Платонов утверждал, что он был единственным автором очерка *Че-Че-О* (Литвин 1989: 106). О том, что за Платоновым прочно закрепилась слава писателя, ‘испорченного’ Пильняком, говорилось в Сводке в Секретный отдел ОГПУ 10 декабря 1930 г.: “[...] когда он только начал писать, на него сразу же обратил внимание Пильняк, помог ему овладеть грамотой. Приобрел этим влияние на него и, конечно, немало попортил” (Гончаров, Нехотин 2000: 849–850). В 1933 г. Горький в статье *О кочке и точке* высказал резкое

непримечание Пильняка: “Некоторые искусники пытаются фабриковать рафинированную литературу, подражая, например, Дос Пасосу, неудачной карикатуре на Пильняка, который и сам достаточно карикатурен” (Горький 1933). Н. Н. Примочкина процитировала черновик ответа Горького редактору «Правды» Л. З. Мехлису (1934): “Ан. Платонов — даровитый человек, испорчен влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним” (Примочкина 1996: 61).

*Американский сюжет в жизни
и творчестве Платонова и
Пильняка*

В 1931 г. Пильняк полгода путешествовал по Америке, проехал по стране на автомобиле, побывал на заводе Форда. В творчестве Платонова американский сюжет возник самостоятельно и задолго до того, как там побывал Пильняк. Интерес к американской технике весной 1923 г. возник у председателя Воронежской губернской Комиссии по гидрофикации и электрофикации сельского хозяйства Платонова и он сделал попытку получить американское оборудование для строительства сельскохозяйственной гидроэлектрической станции на реке Воронеж.

Платонов написал в Центральное бюро Общества технической помощи Советской России, которое создали в США эмигранты из России. Они задумали оказать содействие развитию сельского хозяйства и промышленности в Советской России, занимались организацией трудовых коммун и артелей. В мае 1922 г. в Советскую Россию из Америки отправилась первая сельскохозяйственная трудовая коммуна (Наркомзем, оп. 7, ед. хр. 697)⁷. Первая сельскохозяйственная образцовая коммуна из Америки работала в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в 1923 г. (Наркомзем, оп. 7, ед. хр. 697). Платонов в 1926 г. приехал на работу в Тамбовское губземуправление и сразу поехал в Кирсановский уезд в командировку. Сюжет из жизни летом 1923 г. переместился в *Рассказ о многих интересных вещах* (Малыгина 1977: 160)⁸, где герой Платонова отправлялся в Америку и находил ответы на вопросы о сущности электричества и его роли во Вселенной. Сюжет повторялся в цикле *Родоначальники нации*,

⁷ Для настоящего издания документы сверены с архивными подлинниками и цитируются без сокращений.

⁸ Впервые американский сюжет в творчестве писателя выявлен в статье: Малыгина 1977.

герой которого едет в Америку, чтобы узнать секрет выращивания роз: “Иван был уверен, что, действительно, нежное масло душистых и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины, и в этих зданиях поселятся довольные, счастливые мужики со своими многочисленными семействами” (Платонов 1927: 253). Герой повести *Эфирный тракт* стремился в Америку за разрешением загадки электричества и тайны роз.

Осенью 1924 г. Платонов начал хлопотать о приобретении американского экскаватора ‘Марион’ и добился его установки для очистки реки Тихая Сосна. Интерес к Америке проявился в рассказе Платонова *Антисексус*, повести *Ювенильное море*, пьесе *Ноев ковчег*.

В 1929 г. Платонов был направлен Наркомземом РСФСР в командировку по поволжским совхозам и колхозам. Он сделал записи о состоянии МТС: “Из-за отсутствия Форда – где машина должна стоять 2 часа, стоит она 2 дня” (Платонов 2000: 52).

Пильняк вернулся из Америки в Москву с собственным автомобилем ‘Форд’, который в то время был редкостью. По материалам этой поездки он

написал книгу *О’Кей, американский роман*, которую подарил Платонову 15 марта 1933 г. (Корниенко 1993: 315). В 1933 г. в пьесе *Четырнадцать красных избушек* Платонов создал пародию на Пильняка: он стал прототипом образа писателя Петра Поликарповича Уборняка. Авторская ирония проявилась в том, что Уборняк представляется как “прозаический великороссийский писатель” (Платонов 2011: 161). За этой фразой стоит репутация Пильняка как писателя “славянофильского” направления. Платонов иронизирует над многочисленными браками писателя. Автору пьесы были, очевидно, известны увлечения Пильняка. После поездки в Англию у него были серьезные планы связать свою судьбу со Надеждой Говард; после поездки в Японию у него в доме некоторое время жила музыкантша из этой страны. В пьесе Уборняк готов поселить в своем доме иностранку Интергом – спутницу приехавшего в СССР иностранного ученого Иоганна Хоза. В пьесе создан образ дома Уборняка, в котором можно узнать коттедж Пильняка, куда он переехал в 1927 г. и где Платонов часто бывал. Писатели Уборняк и Фушенко показаны как люди, которые живут по-барски в то время, когда народ

голодает. Высказано ироническое отношение Платонова к международному признанию Пильняка. Впоследствии оно будет зафиксировано в *Справке секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР* в феврале 1936 г.: “[...] напрасно думают, что если наших писателей переводят и читают за границей, то это из-за их талантности или еще по каким иным причинам. Нет, просто там любят временами почитать экзотику [...] А у нас уже торжествуют” (Артизов, Наумов 1999: 293).

С 1936 г. Пильняк поселился на даче в Переделкино. С этого времени Переделкино стало местом неформального общения писателей. В *Спецсправке секретно-политического отдела [...] о настроениях среди писателей от 9 января 1937 г.* сообщалось:

[...] Переделкино [...], в котором живут Вс. Иванов, Б. Пильняк, Б. Пастернак, К. Федин, Л. Сейфуллина и другие видные писатели, становится центром особой писательской общности, пытающимся быть независимым от Союза советских писателей [...] Многие обижены, раздражены, абсолютно

не верят в искренность руководства Союза советских писателей [...] (Артизов, Наумов 1999: 349).

В *Спецсправке* шла речь о том, что писатели регулярно устраивают чтения своих произведений, что “всколыхнуло творческие интересы” (Артизов, Наумов 1999: 349). По свидетельству В. Бокова, с 1936 г. Платонов регулярно бывал в Переделкино. Пастернак, живший по соседству с Пильняком, подтверждал, что Платонов приходил на дачу в 1940 г. В письме Бокова Платонову от 29 мая 1941 г. приведена деталь, показывающая, что они встречались у Пастернака в Переделкино: “Вчера были: Ямпольский, Воронин и я у Пастернака. Поминали много Вас. Была одна свободная румка⁹. Ваша”.

История отношений Платонова и Пильняка представляет собою источник сведений о круге общения писателя и событиях литературной жизни 1920–х–1930–х годов, в которых писатели принимали совместное участие.

⁹ Так в источнике.

Библиография

Авербах 1929: Л. Авербах, *О целостных масштабах и частных Макарах*, «На литературном посту», 1929, XXI–XXII, с. 10–17.

Артизов, Наумов 1999: А. Артизов, О. Наумов (сост.), *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953*. Международный фонд ‘Демократия’, М., 1999.

Архив Горького: *Архив А. М. Горького*, Гослитиздат, М., т. 16, 1965.

Архив Платонова: *Архив А. П. Платонова*, ИМЛИ РАН, М., 2009, кн. 1.

Ауэр 1997: А. П. Ауэр, “Быть честным с собой и Россией...” (О художественном мире Б. А. Пильняка) // Б. А. Пильняк. *Исследования и материалы*, Коломенский педагогический институт, Коломна, 1997.

Боков: В. Боков, *Письмо А. П. Платонову*, Отдел рукописей ИРЛИ, Архив А. П. Платонова, ф. 780, оп. 43.

Буданцев 1928: *Письмо С. Ф. Буданцева В. Д. Ряховскому от 13 июня 1928 года*, РГАЛИ, ф. 422, оп. 1, ед. хр. 116.

Гончаров, Нехотин 2000: В. Гончаров, В. Нехотина (ред.), *Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ 1930–1945 // “Страна философов” Андрея Платонова: Проблемы творчества*, ИМЛИ РАН, Наследие, М., вып. 4, 2000, с. 848–884..

Горький 1933: М. Горький, *О кочке и точке* // «Правда», 1933, 10 июля.

Горький 1963: Горький – Ф. В. Гладков // *Литературное наследство: Горький и советские писатели. Неизданная переписка*, Издательство Академии наук СССР, М., т. 70, 1963.

Горький. Неизвестные: Горький. *Неизвестные страницы истории (Материалы и исследования)*, ИМЛИ РАН, М., вып. 12, 2014.

Горький 2014: М. Горький, *Письма. Август 1927–май 1928* // М. Горький, *Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах*, Наука, М., т. 17, 2014, с. 5–166.

Иванов 1993: Вяч. Вс. Иванов, *Почему Сталин убил Горького*, «Вопросы литературы», 1993, I, 107–128.

Катаев 1928: В. М. Катаев, *Горький в «Красной нови»* // Архив Горького, ИМЛИ РАН, папка “Красная новь”, 2–6/1.

Корниенко 1989: Н. Корниенко, *Андрей Платонов: “Не отказываться от своего разума”*, «Дружба народов», 1989, XI, с. 238–252.

Корниенко 1993: Н. В. Корниенко *История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946)* // «Здесь и теперь», 1993, I, с. 320.

Корниенко, Шубина 1994: Н. Корниенко и Е. Шубина (сост.): *Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии*. Современный писатель, М., 1994.

Лангерак 1995: Томас Лангерак, *Андрей Платонов: Материалы для биографии*. 1899–1929, Амстердам, Пегасус, 1995, с. 274.

Левин 1930: Л. Левин, *Андрей Платонов. “Происхождение мастера”* // «Резец», 1930, VII, с. 2-я с. обл.

Лежнев 1928: А. Лежнев, *Литературные заметки. О “толстых” журналах* // «Правда», 1928, 10 июня, с. 7.

Литвин 1989: Е. Литвин (ред.), *Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе писателей 1 февраля 1932 г.*, «Памир», 1989, VI, с. 98–114.

Майзель 1930: М. Майзель, *Ошибки мастера*, «Звезда», 1930, IV, с. 195–202.

Малыгина 1977: Н. М. Малыгина, *Идейно-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов* (Рассказ о многих интересных вещах), «Русская литература», 1977, IV, с. 158–165

Малыгина 1985: Н. М. Малыгина, *Эстетика Андрея Платонова*, Издательство Иркутского государственного университета, Иркутск, 1985, с. 145.

Малыгина 1994: Н. М. Малыгина, *Рассказ о многих интересных вещах в контексте творчества Андрея Платонова* // *Андрей Платонов: Мир творчества*, Современный писатель, М., 1994, с. 180–192.

Малыгина 2005: Н. М. Малыгина, *Андрей Платонов: Поэтика “возвращения”*, ТЕИС, М., 2005.

Малыгина 2009: Н. Малыгина, *Комментарии. Рассказ о многих интересных вещах* // А. Платонов, *Собрание сочинений в 8 тт.*, т. 1: *Усомнившийся Макар*, Время, М., 2009, с. 611–622.

Наркомзем: *Материалы Наркомата земледелия в РГАЭ в фонде 478 (М.)*.

Пастернак 2005: Борис Пастернак, *Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 тт.*, Слово/ Slovo, М., т. 9, 2005 .

Пильняк 2010: Б. А. Пильняк, *Письма в 2 тт.*, том 2: 1923–1937. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андрушидзе-Пильняк и Д. Кассек, ИМЛИ РАН, М., 2010.

Письма Горькому: “Мне это нужно не для славы [...]” (Письма М. Горькому), «Вопросы литературы», 1988, IX, с. 174–183.

Платонов 1923: А. Платонов, *Динамо-машина*, «Прожектор», 1923, XVI, с. 2.

Платонов 1924а: А. Платонов, *Сердце в эти дни смертельно и тревожно* // *Наши дни. Альманах*, 1924, IV, с. 24.

Платонов 1924б: А. Платонов, «ЛЕФ. Журнал левого фронта искусства» 1923, I, II, III, IV; «На посту». 1923, I, II–III, IV; «Звезда» // «Октябрь мысли», 1924, I, с. 93–96»

Платонов 1927: А. Платонов, *Епифанские шлюзы*, Молодая гвардия, М., 1927. Платонов 2000: А. Платонов, *Записные книжки. Материалы к биографии*, ИМЛИ РАН, Наследие, М., 2000.

Платонов 2004: Андрей Платонов, *Сочинения. Научное издание*, ИМЛИ РАН, М., т. 1, кн. 22004.

Платонов 2006: Андрей Платонов. *Четырнадцать красных избушек*, Подготовка текста, примечания Н. В. Корниенко // А. П. Платонов, *Ноев ковчег. Драматургия*, Подготовка текста, примечания Е. В. Антонова, Н. И. Дужина, Н. В. Корниенко, Н. М. Малыгина, Вагриус, М., 2006, с. 155–207; с. 439–445.

Платонов 2009: А. Платонов, *Рассказ о многих интересных вещах* // А. Платонов, *Собрание сочинений в 8 тт.*, т. 1: *Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения*, Составление Н. В. Корниенко, Время, М., 2009, с. 347–398.

Платонов 2013: А. Платонов, *Письмо А. К. Воронскому* // Андрей Платонов “... я прожил жизнь”. *Письма [1920–1950]*, Составление, вступительная статья, комментарии Н. Корниенко, Под общей редакцией Н. Корниенко и Е. Шубиной, Астрель, М., 2013.

Платонов, Пильняк 1928: А. Платонов, Б. Пильняк, *Че–Че–О. Областные организационно–философские очерки*, «Новый мир», 1928, XII, с. 249–258.

Полонский 1988: Вяч. Полонский, *Шахматы без короля (О Пильняке)* // Вяч. Полонский, *О литературе*, Советский писатель, М., 1988 с. 124–149.

Полонский 2008: В. П. Полонский, “*Моя борьба на литературном фронте*”. *Дневник. Май 1920 – январь 1932*, «Новый мир», 2008, I, с. 141–158; II, с. 145–159, III, с. 138–157; IV, с. 125–142; V, с. 133–151, VI, с. 144–163.

Примочкина 1996: Н. Н. Примочкина, *Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов*, РОССПЭН, М., 1996.

Тальников 1929: Д. Тальников, *Литературные заметки*, «Красная новь», 1929, I, с. 234–250.

Толстая-Сегал 1994: Е. Д. Толстая-Сегал, «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк // Андрей Платонов, *Мир творчества*, Современный писатель, М., 1994, с. 84–121.

Троцкий 1991: Л. Д. Троцкий, *Литература и революция*, Политиздат, М., 1991.

Тынянов 1977: Ю. Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Наука, М., 1977.

Фельдман, Щербина: А. Д., Фельдман, А. Щербина *Грани скандала: повесть А. И. Тарасова-Родионова Шоколад в контексте 1920-х годов*, «Вопросы литературы», 2007, V (сентябрь-октябрь), с. 171–208.

Фрезинский: Б. Я. Фрезинский, *Писатели и вожди*, Эллис Лак, М., 2008.

Чуковский 2011: К. И. Чуковский, *Дневник 1922–1935*, Составление, подготовка текста, комментарии Е. Чуковской, Проза и К., М., 2011.

Шенталинский 1995: В. А. Шенталинский, *Рабы свободы. В литературных архивах КГБ*, Парус, М., 1995.

Щербаков: А. С. Щербаков, *Запись в блокноте о встрече с Горьким в 1928 г. в Нижнем Новгороде* // РГАСПИ, ф. 88, ед. хр. 223.

Яблоков 1991: Е. Яблоков, *Комментарий* // А. Платонов, Чевенгур, Высшая школа, М., 1991, с. 518–646.